

DOI 10.15826/qr.2017.3.246

УДК 342.843(470)"19"+342.843(4-01)"19"+342.81(470)"19"

**РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ
ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ЦЕНЗЫ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.:
БУКВА ЗАКОНА И РЕАЛЬНОСТЬ***

Марина Саламатова

Новосибирский государственный университет
экономики и управления,
Новосибирск, Россия

**VOTING QUALIFICATIONS IN RUSSIA AND ABROAD
IN THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY:
THE LETTER OF THE LAW AND REALITY**

Marina Salamatova

Novosibirsk State University
of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia

This article examines the evolution of electoral qualifications in Russia and European countries in the first third of the 20th century. The analysis of restrictions on voting in pre-revolutionary and Soviet Russia, as well as other countries, is made with reference to a wide range of sources: legislative acts, official statistics, and unpublished archival documents kept in the central and regional Russian archives. The author analyses typical documents (administrative documents, minutes and resolutions, reports, memoranda, information documents) from the funds of the People's Commissariat of Internal Affairs, the All-Russian Central Executive Committee, and the Central Committee of the Party, which helps her determine the number of persons subject to the deprivation of rights, the functions of qualifications in the Soviet electoral system, and the features of their application. Additionally, the author compares Russian

* *Citation:* Salamatova, M. (2017). Voting Qualifications in Russia and abroad in the First Third of the 20th Century: The Letter of the Law and Reality. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 708–726. DOI 10.15826/qr.2017.3.246.

Цитирование: Salamatova M. Voting Qualifications in Russia and abroad in the First Third of the 20th Century: The Letter of the Law and Reality // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 708–726. DOI 10.15826/qr.2017.3.246 / Саламатова М. Российские и зарубежные избирательные цензы в первой трети XX в.: буква закона и реальность // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 708–726. DOI 10.15826/qr.2017.3.246.

and foreign voting qualifications, which clarifies the similarities and peculiar features of their respective electoral systems. It is demonstrated that the voting qualifications of pre-revolutionary Russia, though having certain characteristics of their own, were otherwise consistent with the main trends in the development of the electoral systems of the European states of the early 20th century, while Soviet voting qualifications were among the most original ones in the world and considerably differed from electoral systems elsewhere. Soviet voting qualifications did not comply with the established principles of suffrage limitations around the world. The Bolsheviks radically democratised and abolished the generally accepted qualifications and, simultaneously, introduced restrictions untypical of other electoral systems (employment restrictions making it impossible for the unemployed to vote). Voter eligibility requirements were not only different from the global ones in their content but functionally too. The body responsible for imposing electoral restrictions in Soviet Russia performed a number of functions that were not characteristic of an electoral system in general. Instead of preventing the institutionally disaffected groups from taking part in voting, it was used as an instrument of social and political pressure on the economically active part of society, becoming a significant part of the discrimination policy of the state. This conditioned the connection of suffrage with limitations of a social and economic nature.

Keywords: voting qualifications; electoral system; electoral body; discrimination policy.

Предметом исследования является эволюция избирательных цензов в России и европейских странах в первой трети XX в. Ограничения избирательных прав в дореволюционной и советской России, а также в зарубежных странах изучаются на основе широкого круга источников: законодательных актов, материалов официальной статистики, неопубликованных документов из центральных и региональных российских архивов. Анализ традиционных для делопроизводства государственной и партийной власти документов из различных фондов (распорядительных, протокольно-резолютивных, отчетных, докладных, информационных) позволяет определить численность лиц, подлежавших лишению прав, функции цензов в советской избирательной системе, особенности их применения. Компаративистский анализ российских и зарубежных цензов конкретизирует их общие и специфические черты, роль в избирательных системах. Показано, что избирательные цензы дореволюционной России, обладая рядом особенностей, соответствовали европейским электоральным практикам начала XX в. и выборным традициям России. Советские избирательные цензы разрывали сложившиеся принципы установления ограничений избирательных прав в мире. Большевики радикально демократизировали и отменили общепринятые в электоральной практике цензы, одновременно ввели ограничения прав, не свойственные другим избирательным системам (трудовой ценз). Избирательные

цензы, помимо содержательных, имели значимые функциональные различия с мировой электоральной практикой. Институт лишения избирательных прав в Советской России выполнял не свойственные избирательной системе функции: вместо превентивного отстранения от участия в выборах нелояльных власти групп он использовался как способ социально-экономического давления на хозяйственно активные слои населения, став важной частью дискриминационной политики государства. Это обусловило взаимосвязь избирательных прав с ограничениями социально-экономического характера.

Ключевые слова: избирательные цензы; избирательная система; электоральный корпус; дискриминационная политика.

Выборы – одна из важнейших ценностей современного общества, определяющая способы взаимодействия населения с властью. К числу наиболее значимых аспектов выборов относится определение круга их участников. Всеобщность выборов столетие назад была лишь требованием в программах большинства европейских социал-демократических партий. Интерес к истории избирательных цензов связан с переосмыслением политических и избирательных систем, роли представительных учреждений.

Изучение эволюции избирательных цензов в дореволюционной России происходило в рамках исследований, посвященных выборам в Государственную думу, земским учреждениям, истории представительных органов [Аврех; Демин; Кирьянов, Лукьянов]. Исключением стали работы правоведов 1920-х гг., для которых при всей методологической ограниченности был характерен более широкий подход к изучению эволюции цензов в контексте развития избирательных систем в мире [Бродович; Гурвич; Стучка]. В дальнейшем советская избирательная система рассматривалась правоведами как совершенная, «подлинно» демократичная, а действовавшие цензы только подтверждали ее превосходство по сравнению с буржуазными, поскольку отстраняли от участия в выборах незначительную часть населения [Василенков; Ким; Лепешкин]. Историки обосновывали целесообразность кратковременного введения ограничений избирательных прав классовым подходом – необходимостью подавления сопротивления «эксплуататорских классов» [Архипов; Морозов; Трифонов].

В последние два десятилетия цензы активно изучались в работах, посвященных ограничению избирательных прав. Институт лишения избирательных прав в Советской России пережил настоящий «исследовательский бум». В зарубежной историографии он рассматривается как способ преобразования российского общества в контексте социальной и репрессивной политики советского государства [Alexopoulos; Fitzpatrick; Kimerling]. В работах отечественных исследователей изучены разнообразные аспек-

ты применения советских цензов: от формирования политики по отношению к лишенным избирательных прав и особенностей ее реализации в различных регионах до социальных портретов различных групп «лишенцев», особенностей их поведения и процесса адаптации в обществе [Валуев; Морозова; Смирнова; Серокурова; Маргиналы в социуме]. Лишение избирательных прав являлось неотъемлемой частью советской электоральной системы, и для осмысления ее сущностных особенностей важно определить реальное значение и функции избирательных цензов. Рассмотрение российских избирательных цензов в широком компаративном аспекте, учитывающем развитие электоральных систем зарубежных стран первой трети XX в., может способствовать преодолению некоторой ограниченности исследований, посвященных лишению прав.

Цензы в российской и европейской практике начала XX в.

В современном правоведении под избирательными цензами принято понимать условия, которым должен соответствовать человек, чтобы реализовать избирательное право [Макарцев, с. 32]. Среди цензов выделяют технические, охранные и дискриминационные. *Технические* (в некоторых классификациях *естественные*) цензы выводят из числа избирателей недееспособных и несовершеннолетних лиц, а также не имеющих гражданства или постоянного места жительства. *Охранные* относятся к лицам, влияние которых на политику признается опасным или нежелательным для государственного строя (военнослужащим, государственным служащим, банкротам, должникам, осужденным). *Дискриминационные* направлены на ограничение избирательных прав лиц со слабой социально-правовой защищенностью. К таковым относят использование гендерного (отстранение женщин от выборов) и имущественного цензов [Сравнительное избирательное право, с. 16].

В российской дореволюционной избирательной практике широко использовались все перечисленные виды цензов. С помощью технических цензов отстранялись молодежь, кочевые народы и лица, состоявшие под опекой. При этом возрастной ценз в России был довольно высоким и охватывал молодежь до 25 лет [Положение о выборах в Государственную Думу, ст. 6, 7]. Охранные цензы чрезвычайно широко трактовались в Российской империи, охватывая самые разнообразные категории избирателей – от военных, состоявших на действительной службе, и представителей администрации – губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников, их помощников и полицейских до лиц, признанных виновными в «порочащих» преступлениях, банкротов и лишенных духовного сана за пороки [Там же].

Наиболее массовым было действие дискриминационных цензов в российской дореволюционной системе: от участия в выборах отстранялось женское население страны. Наибольшим своеобразием в Российской империи обладал имущественный ценз. Правила его использования были чрезвычайно сложными, они определялись с учетом традиционной для царской России сословно-куриальной системы. В. А. Демин, анализируя проекты Положения о выборах 1905 г. и историю создания цензов, отмечает, что основная масса цензов в законе о выборах в Государственную думу была позаимствована из положений о земских выборах 1864 г. и Городового положения 1870 г. [Демин, с. 15]. Избиратели делились на курии и разряды в куриях, и к ним предъявлялись различные имущественные требования. Примечательно, что для третьей и четвертой курии (крестьян и рабочих) имущественный ценз не устанавливался вовсе, однако сами выборы были, соответственно, трех- и четырехстепенными. Имущественный ценз в дореволюционной России правильнее было бы называть сословно-имущественным, он восходил к средневековым традициям и в несколько модернизированном виде воспроизводил сословно-куриальную систему выборов.

Современники не скупились на критические отзывы, наиболее яростной критике система подвергалась представителями левых партий. Типичным было мнение, высказанное одним из лидеров меньшевистской партии Ф. И. Даном: «Среди избирательных систем всего мира русский избирательный закон занимает совершенно исключительное место. В нем собрано все, что есть наихудшего в какой-либо избирательной системе, измышления врагов народа всех племен и наречий послужили для правительства» [Дан, с. 2]. Бесспорно, что введение такой избирательной системы мало соответствовало ожиданиям левых радикальных партий. В программе РСДРП, принятой в 1903 г., содержалось требование «сосредоточения всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания», избранного на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права «всех граждан и гражданок, достигших двадцати лет» [Программа РСДРП].

Современные исследователи также весьма критично оценивают дореволюционные избирательные цензы, считая их «крайне архаичными» [Демин, с. 47]. Насколько справедливыми являются подобные суждения?

В начале XX в. в европейских государствах повсеместно использовались технические, охранительные и дискриминационные цензы.

В большинстве европейских стран в этот период действовал высокий *возрастной ценз*: в Англии, США, Италии, Франции, Португалии – 21 год, Австрии и Венгрии – 24 года, а в Бельгии, Германии, Голландии, Испании – 25 лет [Выборы во всем мире, с. 11–174; Craig, p. 13–20]. Активное избирательное право начиналось не ранее 21 года – возраста полного совершеннолетия, когда человек полу-

чал право вступать во владение наследством, мог совершать сделки и т. д. Этот ценз только после Второй мировой войны стал восприниматься как анахронизм. Понижение возрастного ценза до 18–19 лет началось в 1960–1970-е гг. (в Австрии возрастной ценз опустился в 1968 г., в Великобритании – в 1969 г., в ФРГ – в 1970 г., в США – в 1971 г., во Франции – в 1974 г., в Италии – в 1975 г., в Испании – в 1978 г., в Бельгии – в 1979 г.) [Выборы во всем мире, с. 11–373; Craig, p. 13–20, 22–23; Chronicle of Parliamentary Elections, p. 94–261]. На общемировом фоне установление высокого возрастного ценза (25 лет) для участия в выборах в Государственную думу в Российской империи выглядело вполне обыденным.

Гендерный ценз, ограничивающий участие женщин на выборах, также был общепринятым. До 1917 г. женщины имели право участвовать в выборах лишь в Новой Зеландии, Австралии, Австрии, Дании, Исландии, Норвегии и Финляндии [Выборы во всем мире, с. 11–373]. В конце XIX в. женщины Англии и США получили избирательное право только на выборах в местные органы власти [Craig, p. 13–20, 22–23; Сравнительное избирательное право, с. 33]. В большинстве развитых европейских государств женщины получили избирательные права в результате длительной борьбы, в Англии – в 1918 г., в Германии и Венгрии – с 1919 г., в Испании – в 1931 г., во Франции и Италии — в 1945 г., в Бельгии – в 1948 г., и в Швейцарии лишь в 1971 г. [Выборы во всем мире, с. 11–373; Craig, p. 13–20, 22–23; Chronicle of Parliamentary Elections, p. 94–261]. Ограничение женского населения в избирательных правах в дореволюционной России вполне вписывалось в тенденции развития электральных систем начала XX в.

Ценз оседлости (постоянного проживания) не является редкостью до сегодняшнего дня во многих развитых демократических государствах, а в начале XX в. был общепринятым. Например, в ФРГ в определенной местности необходимо проживать не менее трех месяцев, во Франции – полгода [Выборы во всем мире, с. 11–373]. Наличие данного ценза на выборах объясняется необходимостью проживания в городе, районе (общине) с целью знакомства со спецификой, проблемами данной местности. Применение ценза оседлости имело в дореволюционной России определенную специфику. Помимо отстранения от выборов граждан, проживавших в уезде (городе) менее года, прав также лишались «бродячие инородцы». Ценз оседлости в царской России понимался буквально (кочевые народы не имели права голосовать). Русский публицист В. В. Водовозов объяснял введение ценза оседлости тем, что «бродячих инородцев сложно усчитать... и поголовной неграмотностью этого населения» [Водовозов, с. 383].

Профессиональный (служебный) ценз направлен на ограничение избирательных прав граждан по признаку профессиональной деятельности. Как правило, речь идет о лишении избирательных

прав военных, служащих правоохранительных органов, а также священнослужителей [Сравнительное избирательное право, с. 31]. Этот ценз сохраняет актуальность в государствах Латинской Америки и Африки (Мексика, Парагвай, Сенегал, Камерун). В начале XX в. он использовался в европейских государствах, в том числе и в дореволюционной России [Выборы во всем мире, с. 11–373]. Специфической чертой применения профессионального ценза являлось отстранение от выборов не только военнослужащих, но и высших чинов администрации и представителей полиции. Хотя неучастие администрации в выборах было традиционным для России, это можно рассматривать как попытку государства ограничить применение «административного ресурса» на выборах.

Для эволюции *имущественного ценза* в европейских государствах конца XIX – начала XX в. была характерна постепенная либерализация. Так, в Англии в результате трех избирательных реформ (1832, 1867, 1885 г.) был существенно расширен избирательный корпус, право голосовать было представлено всем собственникам земли или другой недвижимости (с доходом не менее десяти фунтов) и всем квартиронанимателям [Craig, p. 13–20, 22–23, 36–46]. Реформа 1885 г. значительно снизила имущественный ценз, расширив электоральный корпус до 30 % взрослого населения страны [Ibid]. Во Франции к началу XX в. имущественный ценз был отменен, по Конституции 1875 г. на выборах в Палату депутатов он не применялся [Выборы во всем мире, с. 373–374]. Наряду со столь демократичными подходами к определению электорального корпуса, в ряде стран Европы имущественный ценз продолжал действовать. Так, в Венгрии до 1908 г. применялся очень высокий имущественный ценз (ежегодный доход не менее 210 крон, уплата налога не менее 20 крон или владение домом не менее чем из трех комнат), в итоге электорат Венгрии составлял 5,9 % взрослого населения [Там же, с. 88–89]. В Италии до 1919 г. также использовался высокий имущественный ценз, право голоса предоставлялось только состоятельным налогоплательщикам, составлявшим 2,4 % взрослого населения страны [Там же, с. 192].

В отличие от европейских государств, в избирательной системе России имущественный ценз выполнял не вполне свойственную ему функцию. Если в Европе он использовался как основной способ ограничения избирательных прав малоимущих граждан, то в России – для отнесения к определенной курии и предоставления преимуществ или установления ограничений на выборах. Для ограничения прав беднейших слоев применялся не имущественный ценз, а многостепенность и куриальность выборов. Отчетливо эту особенность демонстрирует избирательный закон 1907 г., основные изменения которого затронули не избирательные цензы, а нормы представительства от разных курий. Первоначально в 1905 г. один

мандат депутата приходился на 2 тыс. выборщиков от землевладельцев, 7 тыс. выборщиков от первой и второй городских курий, 30 тыс. выборщиков от крестьян и 90 тыс. выборщиков от рабочих. Изменение норм представительства в 1907 г. привело к тому, что депутат избирался от 230 выборщиков от землевладельцев, 1 тыс. выборщиков первой городской курии, 15 тыс. выборщиков второй городской курии, 60 тыс. выборщиков от крестьян и 125 тыс. выборщиков от рабочих [Кириянов, Лукьянов, с. 76–89]. Перераспределение выборщиков в пользу землевладельческой и городских курий (в ущерб представительству крестьян и рабочих) позволило сформировать приемлемый для власти состав Государственной думы.

Мнение об архаичности дореволюционных избирательных цензов сильно преувеличено. Избирательные цензы, использовавшиеся в дореволюционной России, хотя и имели определенную специфику, тем не менее, находились в рамках развития европейских электоральных тенденций начала XX в. Гендерный, возрастной, профессиональный и ценз оседлости были аналогичны используемым в Европе в первой четверти XX в. Наиболее специфичным в дореволюционной избирательной системе было применение имущественного и профессионального цензов.

Наряду со схожими чертами, наблюдались и значимые различия российских и европейских цензов, затрагивавшие в первую очередь выполняемые функции в электоральных системах. В европейской практике избирательные цензы являлись основным инструментом формирования корпуса избирателей. В России цензы играли второстепенную роль в формировании электорального корпуса и обеспечении желательных для власти составов государственных органов, основным же способом являлось обеспечение неравного представительства от различных слоев.

Радикальные изменения в российскую избирательную систему внесла Февральская революция. Положение о выборах в Учредительное собрание, окончательно утвержденное Временным правительством 23 сентября 1917 г., демократизировало все принципы избирательной системы и отменяло большинство действовавших ранее цензов. Упразднялись все дискриминационные цензы (гендерный, имущественный и т. п.). Из технических цензов действовали только возрастной и ценз гражданства, при этом возрастной ценз существенно понижался по сравнению с действовавшим в царской России (до 20 лет). Заметно сократился перечень лиц, чье влияние на политику признавалось нежелательным: отстранялись от участия в выборах осужденные за порочащие преступления, несостоятельные должники, дезертиры и члены царской семьи [Положение о выборах в Учредительное собрание].

В Положении о выборах от 23 сентября 1917 г. последовательно проводился принцип всеобщего избирательного права, принцип пря-

мых, равных и тайных выборов, что не только шло вразрез с имевшимся электоральным опытом царской России, но также делало избирательную систему революционной России одной из самых передовых и демократичных в мире.

Казалось бы, у большевиков не было оснований для недовольства и ликвидации этой избирательной системы, поскольку она полностью учитывала их программные требования, в том числе теоретические марксистские установки. Однако результаты выборов в Учредительное собрание в 1917 г. отчетливо продемонстрировали большевикам, что с помощью традиционных институтов буржуазного представительства и реализации всеобщего равного прямого избирательного права они не смогут оказаться у власти и тем более ее удержать. Напомним, что большевики получили 24,5 % голосов на выборах в Учредительное собрание [Протасов, с. 27]. Представляется, это было одной из определяющих причин отказа от избирательной системы, введенной в ходе Февральской революции.

Избирательные цензы в Советской России (1918–1936)

Пришедшие к власти большевики отказались от всеобщего избирательного права, ввели избирательные цензы, изначально вызвавшие ожесточенную критику либеральной общественности и представителей социал-демократии. Наиболее болезненными для большевиков были обвинения европейских социал-демократов в извращении марксистской теории из-за нарушения принципа всеобщности избирательного права [Каутский, с. 56].

Несмотря на критику, большевики объявили институты буржуазного парламентаризма устаревшими, презюмировали мнимость универсальности всеобщего избирательного права, допускавшего многочисленные изъятия из принципа всеобщности [Ленин, т. 37, с. 257]. Взамен ликвидированных буржуазно-демократических политико-правовых институтов предлагалось создать принципиально новые формы организации власти, под которыми понимались Советы как органы диктатуры пролетариата. Советы как альтернатива существовавшим государственным органам создавались «исключительно революционными слоями населения по классовому принципу» и не предполагали предоставления прав «эксплуататорам» [Ленин, т. 30, с. 320]. Новой власти предстояло определиться с недостойными участия в новых органах власти.

Институционализация круга лиц, ограниченных в избирательных правах, произошла в Конституции 1918 г. Какие черты были характерны для советских цензов в 1918 г.? Во-первых, отметим радикальную демократизацию технических цензов и отмену дискриминационных цензов. Возрастной ценз был понижен до 18 лет, от-

менен ценз гражданства, гендерный и имущественный цензы также были отменены [СУ РСФСР, 1918, № 51, ст. 582]. От отмены или понижения этих цензов выиграли наиболее дискриминируемые в дореволюционной России слои населения – молодежь, женщины, национальные меньшинства. Предоставив им избирательные права, большевики привлекли на свою сторону молодую часть населения, ранее не реализовавшую свою политическую активность в легальном поле. В данном случае следует признать, что это шло вразрез как с дореволюционными российскими традициями, так и с общемировым опытом.

Вместе с тем, в рамках советской избирательной системы продолжали действовать охранные цензы, к числу которых можно отнести политический и трудовой. Политический ценз не был оригинален, как отмечалось выше, во многих избирательных системах он действовал и продолжает действовать. Для России его использование также было традиционным. В 1918 г. с помощью политического ценза отстранялись от выборов служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранного отделения, а также члены правившей ранее династии [Там же].

Несомненной новизной отличался трудовой ценз, который был нацелен на устранение из числа участников выборов лиц, влияние которых на политику могло оказаться опасным для молодого советского государства («классовых врагов»). Введение трудового ценза представляется вполне логичным в рамках большевистской доктрины «диктатуры пролетариата» и предоставления прав только «трудящимся». Трудовой ценз, по сути, был антиимущественным. От участия в выборах отстранялись граждане, обладавшие каким-либо имуществом или доходами: лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовые доходы, как-то проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; частные торговцы, торговые и коммерческие посредники [Там же].

Введение трудового ценза было подвергнуто острой критике европейскими социал-демократами. К. Каутский усматривал в использовании трудового ценза не только возможность для произвольного его применения, полагая, что понятие «производительный и общественно-полезный труд» крайне растяжимо, и «работник на дому или мелкий мастер, имеющий подмастерье, может и жить, и чувствовать по-пролетарски, но он не пользуется избирательным правом» [Каутский, с. 51]. Советская избирательная практика, сложившаяся в 1920–1930-е гг., подтвердила правоту германского социал-демократа: применение трудового ценза осуществлялось произвольно и зависело от политической и экономической конъюнктуры.

Приведем сведения о численности лиц, отстраненных от участия в выборах (табл. 1).

Таблица 1

**Численность лиц, подпадавших под действие
избирательных цензов в РСФСР (1922–1935)¹**

Избирательные кампании	Число лиц, отстраненных от участия в выборах					
	Общее		В городах		В сельской местности	
	абсолютное значение	доля от населения старше 18 лет	абсолютное значение	доля от населения старше 18 лет	абсолютное значение	доля от населения старше 18 лет
1922	1 100 000	2,1	300 000	5,0	800 000	1,4
1923	1 000 000	2,0	300 000	5,0	700 000	1,3
1924	843 217	1,7	302 378	5,1	540 839	1,3
1925–1926	700 621	1,63	284 591	4,8	416 030	1,0
1926–1927	1 980 784	3,9	590 048	6,9	1 390 747	3,3
1928–1929	2 433 390	4,54	727 365	7,2	1 706 025	3,9
1930–1931	1 842 619	3,7	473 356	4,6	1 369 263	3,5
1934–1935	–	2,1	–	1,9	–	2,3

Общее число лиц, лишенных гражданских прав, никогда не превышало 5 % от населения страны (в 1929 г. в РСФСР – 2 млн 433 тыс. (4,54 % от взрослого населения), в СССР – 3 млн 716 тыс. (4,89 %)) [Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 1, с. 94; Вып. 2, с. 43; ГАРФ. Ф. Р.-3316. Оп. 20. Д. 918. Л. 60–62]. Малочисленность «лишенцев» является аргументом для исследователей, не рассматривающих лишение избирательных прав как меру, направленную на отстранение от участия в выборах реальных или потенциальных против-

¹ Данные приведены по изданиям: [Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г., с. 5–7; Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг., ч. 1, с. 6–7; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. Вып. 1. С. 12; Вып. 2. С. 5; Итоги выборов в Советы РСФСР в 1930–1931 гг., с. 31–32; Выборы в Советы в Союзе СССР 1934–1935 гг., с. 19–20; ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 1а. Д. 156. Л. 16–20; Ф. Р.-1235. Оп. 104. Д. 23. Л. 334; Оп. 112. Д. 5. Л. 7; Ф. Р.-3316. Оп. 20. Д. 918. Л. 60–62].

ников, как способ влияния на исход выборов, которых опасались большевики. Следует признать, что вопрос о роли цензов в избирательной системе долгое время не являлся центральным и основательно не изучался. Между тем, понимание выполняемых функций цензов является принципиальным аспектом в осмыслении их роли и сущности в советской избирательной системе. Какие превентивные функции выполняли цензы в советской России, насколько они отличались от мировой электоральной практики?

Распространенное утверждение об отсутствии превентивной функции советских цензов представляется верным для периода, охватывающего вторую половину 1920-х и 1930-е гг., однако применительно к начальному периоду существования советской власти оно не вполне соответствует реальности.

На эту функцию избирательных цензов отчетливо указывают законодательные решения и практика их реализации в первые годы существования советского государства. В Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 23) была закреплена вполне легальная возможность «лишать прав или группы прав отдельных лиц, которые пользуются ими в ущерб интересам социалистической революции» [СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582]. Большевики обозначили базовый критерий определения круга избирателей и «лишенцев» – политическую лояльность по отношению к новой власти. Расплывчатость формулировки позволяла местным властям произвольно толковать норму и определять граждан, враждебно или лояльно настроенных к советской власти.

До 1925 г. общероссийское избирательное законодательство делегировало местным властям полномочия по определению круга лиц, участие которых было нежелательным на выборах в Советы [СУ РСФСР, 1921, № 11, ст. 72]. На местах предлагали ориентироваться на ситуацию в конкретном уезде или губернии и на «классовое чутье», решать, чье участие может угрожать формированию лояльных советской власти составов советов [Владимирский, с. 16].

Местная практика также подтверждает, что приоритетным принципом определения круга «лишенцев» в начале 1920-х гг. стала политическая целесообразность превентивного устранения от участия в выборах групп населения, враждебно или нелояльно настроенных к большевикам. Власти на местах видели противников в лицах, открыто сражавшихся или выступавших против советской власти – служивших в белых армиях и участвовавших в анти-советских восстаниях. Враждебно настроенными также считали различные категории «бывших» – помещиков, чиновников царского аппарата, предпринимателей, лишившихся имущества. Так, в Сибири после окончания Гражданской войны отстранялись от участия в выборах бывшие офицеры и чиновники армии Колчака, служащие и чиновники учреждений его правительства, сотрудники его милиции и контрразведки [ГАНУ. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 169. Л. 12]. Калужский губернский исполком лишил избирательных прав бывших белых офи-

церов – «50 человек, состоявших ранее в “Союзе русского народа”» [ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 47. Д. 119. Л. 8.]. Тихвинский уездный исполком и Тамбовский губисполком сообщали, что лишали прав бывших помещиков и членов их семей [Там же. Л. 12]. Нижегородский губернский исполком к «неблагонадежным лицам, подлежащим лишению прав», относил следующие группы: «чиновников до пятого класса; лиц, замеченных в контрреволюционных проявлениях до Октябрьской революции, а также в годы Гражданской войны, бывших крупных лесопромышленников и торговцев, которые по своему идеологическому уклону настроены антисоветски, подстрекателей и активных участников антисоветских восстаний» [Там же. Л. 14]. Тамбовский губернский исполком считал настроенными антисоветски «участников бандитского движения, помещиков и лиц, по своему прошлому не внушающих к себе доверия» [Там же. Л. 15]. В автономной области Коми лишали прав «замеченных в контрреволюционных действиях при занятии местности белогвардейцами во время Гражданской войны, бывших белых и царских офицеров, эмигрантов, прибывших в 1922–1923 гг. из Болгарии и Франции, лиц, бывших наемными агентами у белогвардейцев по выдаче последним сведений о семьях красноармейцев» [Там же. Л. 103]. Наиболее оригинальной следует признать трактовку круга «лишенцев» Спас-Деменским уездным исполкомом, ограничившим в правах «ярых спекулянтов, барышников, самогонщиков и лиц, принимавших пассивное участие в убийстве милиционера Корнеева» [Там же. Л. 13].

Несмотря на разнообразие в основаниях для лишения избирательных прав, местная практика применения избирательных цензов в начале 1920-х гг. вполне укладывалась в схему превентивной меры, направленной на приоритетное отстранение от участия в выборах реальных или потенциальных противников новой власти.

Насколько опасения большевиков были оправданы, и могли ли отстраняемые лица повлиять на исход выборов? Представляется, что степень возможного влияния лиц, лишенных гражданских прав, существенно варьировалась в различных городах и регионах, зависела от политической ситуации в них, от поддержки большевиков населением. В регионах, где поддержка советской власти не была высокой и настроения были оппозиционными, противники большевиков вполне могли быть поддержаны населением, и тогда их участие действительно представляло бы угрозу правящей партии. Мятежными регионами в первую очередь могли стать окраины, где недавно закончились бои Гражданской войны, а также города с сильной оппозицией или большим числом «бывших».

При оценке потенциального влияния лиц, отстраненных от участия в выборах, отметим фактор их соотношения с числом избирателей в начале 1920-х гг. В первую очередь это касалось выборов в городах. Хотя ситуация с явкой горожан не была однородной, абсентеизм повсеместно был высоким, при этом в небольших провинциальных

городах явка характеризовалась чрезвычайно низкими показателями – от 9 до 23 % [ГАРФ. Ф. Р. -393. Оп. 29. Д. 10а. Л. 37]. В отдельных городах явка составляла не более 5 % избирателей. По данным Д. М. Корчагина, в Приморско-Ахтарске в октябре 1922 г. из 18 тыс. избирателей явились 550 чел. (3 %), которые избрали 69 депутатов и 26 кандидатов к ним. Аналогичной была ситуация и на ст. Славянской Кубано-Черноморской области: в октябре 1923 г. из 14 064 избирателей на собрание явились 599 человек (4,3 %) [Корчагин, с. 72]. В этом случае число избирателей было сопоставимо с числом лиц, лишенных избирательных прав (в городах оно достигало 5–7 %), и это дает основание говорить о прямом политическом смысле отстранения от выборов противников большевиков для обеспечения победы. Однако для городов со значительным населением и более высокой явкой этот фактор не являлся существенным.

Наряду со сказанным отметим, что реальную угрозу политической монополии большевиков эти слои могли представлять только при условии проведения прямых открытых демократических выборов. Однако в первой половине 1920-х гг. избирательная практика была совершенно иной. Большевики делали ставку на использование жесткого административного ресурса, направленного на подавление оппозиционных партий и нелояльных слоев населения, манипулирование нормами представительства. На собраниях устоявшейся практикой стало голосование за списки кандидатов, заранее утвержденных партийными органами. В случае несогласия в ход шли угрозы, избирателей запирали в помещениях, вынуждали голосовать за лояльных власти кандидатов [ГАРФ. Ф. Р.-1235. Оп. 101. Д. 151. Л. 307–315; Оп. 103. Д. 83. Л. 74–95]. Заместитель наркома внутренних дел В. Болдырев дал емкую характеристику выборов первой половины 1920-х гг.: «Выборы представляли не действительные выборы, а пустую канцелярскую процедуру “протаскивания” депутатов путем целого ряда ухищрений и нажима со стороны узкой группы правителей, боящихся потерять власть» [ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 1а. Д. 153. Л. 46]. В этих условиях хотя превентивная функция цензов и оставалась актуальной, ограничение избирательных прав рассматривалось властью в качестве дополнительного способа обеспечения политической монополии большевиков.

Ситуация с применением избирательных цензов изменилась в середине 1920-х гг. Эти перемены были обусловлены сменой избирательной модели, характеризовавшейся ослаблением административного давления на избирателей, либерализацией избирательного процесса, массовым участием населения в выборах. Несмотря на стремление власти подать итоги выборов 1925–1926 гг. как попытку захвата власти непролетарскими элементами [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54. Л. 18–42], в условиях достижения определенного общественного консенсуса и отсутствия оппозиционных партий 3 % населения, отстраненные от участия в них, не могли рассматриваться в качестве

реальной политической угрозы и оказать значимое влияние на их исход. Поэтому превентивная функция избирательных цензов окончательно утрачивала свою актуальность.

Начиная с кампании 1926–1927 г. советские избирательные цензы приобрели функции, совершенно не свойственные для мировой электоральной практики. Ограничение избирательных прав становится частью политического и экономического курса, направленного на снижение роста частного сектора и вытеснение мелких собственников города и деревни, а лишение избирательных прав – мерой социально-экономического давления на наиболее хозяйственно активные слои города и деревни, частью дискриминационной политики, приобретая выраженный карательный характер. Примечательно, что только в Советской России составлялись списки лиц, лишенных избирательных прав, тогда как обычной избирательной практикой является составление списков избирателей.

Совершенно нестандартно для мировой практики выглядела взаимосвязь избирательных прав с ограничениями социально-экономического характера. Обычно отсутствие избирательного ценза не оказывает влияния на другие сферы жизни человека. Только в советской России наличие политических прав тесно увязывалось с экономическими и социальными правами, при этом государство последовательно расширяло перечень сопутствующих лишению избирательных прав дополнительных ограничений в различных сферах.

В нормативных актах для граждан, не обладавших избирательным цензом, предусматривались следующие ограничения: они лишались права служить в Красной армии, зачислялись в тыловое ополчение, в мирное время уплачивали налог; лишались права состоять в профсоюзах, занимать судебные должности (народного судьи, народного следователя, нотариуса, судебного исполнителя и народного заседателя); не могли являться членами потребительских кооперативов, усыновлять несовершеннолетних; лишались права получать пенсионное государственное обеспечение. Дополнительным ограничением для «лишенцев», проживавших в городах, являлся запрет на членство в жилищно-арендных кооперативах. В сельской местности лишение избирательных прав влекло за собой невозможность быть членом сельскохозяйственных кооперативов, ревизионных комиссий сельсоветов и волисполкомов комиссий и секций при волисполкомах и сельсоветах, крестьянских обществ взаимопомощи, сельским исполнителем; также устанавливался запрет на участие в общих собраниях жителей (сходах). Помимо этого, предусматривалась замена отбывания обязанностей сельского исполнителя денежной компенсацией [ГАРФ. Ф. Р.-393. Оп. 60. Д. 117. Л. 134, 135]. В 1930-е гг. к этому списку добавились высокое налогообложение, увольнение из советских учреждений, исключение детей «лишенцев» из учебных заведений, выселение из жилья. Лица, ограниченные в избирательных правах, подвергались и психологическому давлению.

Они в первоочередном порядке попадали под «чистки» советского аппарата, подозревались своими соседями и сослуживцами в антисоветских настроениях, высмеивались в советской прессе. Многочисленные ограничения делали жизнь человека как в социальном, так и в бытовом плане совершенно невыносимой.

Столь массивное давление, оказываемое с помощью цензов, имело последствия, не только выходящие за пределы избирательной системы, но и не имевшие к ней отношения вовсе. Главным таким последствием стало разрушение традиционных слоев общества, а также новых, появившихся в годы нэпа (к числу которых относились мелкие хозяева города и деревни, предприниматели, торговцы, священнослужители и проч.). При этом в городе и сельской местности этот процесс имел различные проявления и последствия. Для горожан, обладавших большей социальной мобильностью и привыкших за предыдущее нестабильное десятилетие к перемене занятий, ситуация не приобретала катастрофического характера, став сигналом для смены рода деятельности и перехода из частного сектора в государственный [Маргиналы в социуме, с. 96–97]. Последующие репрессии в городе коснулись в первую очередь «бывших», священнослужителей и крупных предпринимателей, в то время как основная масса «лишенцев» ограничилась сменой рода деятельности.

Для сельского населения все складывалось значительно драматичнее, поскольку для него это означало разрушение традиционного уклада жизни. Несмотря на сокращение своих хозяйств, крестьяне стремились оставаться мелкими собственниками, что противоречило целям государства – ликвидации единоличного крестьянского хозяйства и огосударствлению крестьян. Именно поэтому в сельской местности лишение избирательных прав послужило прологом последующих репрессий. Для большинства крестьян ограничение избирательных прав обернулось конфискацией имущества, ссылкой на спецпоселение, отбыванием наказания в тюрьмах и т. п. [Маргиналы в социуме, с. 97].

Последствия применения избирательных цензов в советской России делают вполне оправданным рассмотрение лишения избирательных прав в качестве инструмента трансформации структуры послереволюционного общества. В западной историографии сформировался подход к изучению лишения избирательных прав в советской России как способу «социальной инженерии» государства, «преобразования» общества [Alexopoulos; Fitzpatrick; Kimerling]. Данный подход нашел отражение и в современных отечественных исследованиях, оценивающих лишение избирательных прав как один из инструментов «глобальной реорганизации социальной структуры» послереволюционного общества, часть повседневной «маргинальности» (под которой понимается положение групп, находившихся внутри социума, но подверженных различным ограничениям и дискриминации) [Маргиналы в социуме, с. 4].

В России за первую четверть XX в. произошла смена трех избирательных систем, в рамках которых определение круга участников выборов происходило на принципиально разных основаниях. Дореволюционные избирательные цензы, не являясь передовыми и демократичными, тем не менее, вполне соответствовали основным тенденциям развития цензов европейских государств начала XX в. Советские цензы в содержательном смысле являлись одними из наиболее оригинальных в мировой электоральной практике и оказали значимое влияние на расширение избирательных прав в мире.

Несмотря на существенные различия дореволюционных и советских цензов, их парадоксальным образом объединяла нетипичная роль для мировой практики в избирательной системе. Избирательные цензы ни при самодержавии, ни при советской власти не играли определяющей роли в формировании электорального корпуса и обеспечении состава органов, желательных для власти. Основное значение приобретало преимущество в нормах представительства лояльных власти групп населения. Ключевой особенностью советских цензов стали не свойственные им функции, выполнявшиеся в избирательной и политической системах. Ограничение избирательных прав использовалось преимущественно как способ социально-экономического давления на неугодные власти слои населения послереволюционного общества.

Список литературы

- Аврех А. Я.* Столыпин и III Дума. М. : Наука, 1968. 520 с.
- Архипов В. А., Морозов Л. Ф.* Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле, 20-е – нач. 30-х гг. М. : Мысль, 1978. 263 с.
- Балабанов М., Дан Ф.* Рабочие депутаты в первой Государственной Думе. СПб. : Изд. Н. Глаголева, 1907. 175 с.
- Бродович С. М.* Советское избирательное право. Л. : Госиздат, 1925. 131 с.
- Валуев Д. В.* Лицензы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск : Маджента, 2012. 155 с.
- Василенков П. Т.* Выборы советских представительных органов. М. : Изд-во МГУ, 1966. 82 с.
- Владимирский М.* Организация Советской власти на местах. М. : Госиздат, 1921. 147 с.
- Водовозов В. В.* Всеобщее избирательное право и применение его в России // Политические институты, избирательное право и процесс в трудах российских мыслителей XIX–XX вв. М. : Весь мир, 2003. С. 380–401.
- Выборы в Советы в Союзе СССР. 1934–1935 гг. М. : Власть Советов, 1935. 135 с.
- Выборы в Советы РСФСР в 1925–1926 гг. : статистич. сб. : в 2 ч. / под ред. С. М. Гурвича, Н. А. Кокотова. М. : Изд-во НКВД, 1926. Ч. 1. Городские советы, сельские советы, волсезьезды, волисполкомы. 256 с.
- Выборы во всем мире : Электоральная свобода и общественный прогресс : энцикл. словарь / сост. А. А. Танин-Львов. М. : РОССПЭН, 2001. 1112 с.
- ГАНО. Ф. 1-П. Оп. 1. Д. 169.
- ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 1а. Д. 153, 156; Оп. 29. Д. 10а; Оп. 47. Д. 119; Оп. 60. Д. 117; Ф. Р-1235. Оп. 101. Д. 151; Оп. 103. Д. 83; Оп. 104. Д. 23; Оп. 112. Д. 5; Ф. Р-3316. Оп. 20. Д. 918.

- Гурвич Г. С. Основы советской Конституции. М. : Госиздат, 1929. 261 с.
- Демин В. А. Государственная Дума России: механизм функционирования. М. : РОССПЭН, 1996. 216 с.
- Избирательная кампания по РСФСР в 1923 г. К XI Всероссийскому съезду советов РСФСР. М. : Изд-во НКВД, 1924. 43 с.
- Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : статистич. сб. М. : Власть Советов, 1930. Вып. 1. Выборы в сельские, волостные, районные органы власти. 401 с.
- Итоги выборов в Советы РСФСР в 1929 г. : статистич. сб. М. : Власть Советов, 1930. Вып. 2. Выборы в городские советы. 153 с.
- Итоги выборов в советы РСФСР в 1930–31 гг. : статистич. сб. М. : ВЦИК, 1931. 198 с.
- Каутский К. Диктатура пролетариата : От демократии к государственному рабству. Большеизм в тупике. М. : Антидор, 2002. 314 с.
- Ким А. И. Советское избирательное право : Вопросы теории, избирательного законодательства и практики его применения. М. : Юрич. лит., 1965. 212 с.
- Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России : Государственная Дума и ее депутаты. 1906–1917. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с.
- Корчагин Д. М. Советские избирательные кампании 1920-х гг. (на материалах Кубано-Черноморья) : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 2003. 217 с.
- Ленин В. И. Доклад о революции 1905 г. // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1973. Т. 30. С. 306–328.
- Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1969. Т. 37. С. 235–338.
- Лепешкин А. И. Советы – власть трудящихся (1917–1936 гг.). М. : Юрич. лит., 1966. 575 с.
- Макаревич А. А. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации. Новосибирск : НГТУ, 2009. 344 с.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум : Сибирь (1920-е – 1930-е годы) / под ред. С. А. Красильникова. Новосибирск : Сибир. хронограф, 2004. 456 с.
- Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. Собр. 3. Т. 25. Отд. 1. 1905 г. СПб. : Гос. тип., 1908. С. 645–651.
- Положение о выборах в Учредительное собрание от 20.06.1917 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О. И. Чистяков. М. : Юрич. лит., 1984–1994. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. С. 129–189.
- Программа РСДРП, принятая на II съезде партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1970) : в 12 т. 8-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 1. С. 267–274.
- Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание : История рождения и гибели. М. : РОССПЭН, 1997. 380 с.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 164. Д. 54.
- Серокурова Л. А. Политико-правовые аспекты лишения избирательных прав граждан Крымской АССР в 1920-е гг. // Вестн. МГУ. Сер. История. 2010. № 1. С. 76–84.
- Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции : 1917–1936 годы. М. : Мир истории, 2003. 296 с.
- Сравнительное избирательное право : учеб. пособие / науч. ред. В. В. Маклаков. М. : Норма, 2003. 208 с.
- Стучка П. Учение о государстве пролетариата и крестьянства и его Конституции. М. : Л. : Госиздат, 1926. 291 с.
- Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1925 гг.) : в 2 ч. Л. : Изд-во ЛГУ, 1969. Ч. 2. Подготовка экономического наступления на новую буржуазию. 288 с.
- Alexopoulos G. Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936 : Ph. D. diss. Chicago : Univ. of Chicago. 1996. 276 p.

Chronicle of Parliamentary Elections and Developments. Vol. 17. Geneva : Intern. Centre for Parliamentary Documentation, Inter-Parliamentary Union, 1983.

Craig F. W. S. British electoral facts, 1832–1980. Ed. 4. Chichester : Parliamentary Research Services, 1981. 203 p.

Fitzpatrick S. Ascribing Class: the Construction of Social Identity in Soviet Russia // J. of Modern History. 1993. № 4. P. 120–141.

Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford : Oxford Univ. Press, 1999. 326 p.

Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936 // The Russian Rev. 1982. Jan. P. 27–41.

References

Alexopoulos, G. (1996). *Rights and Passage: Marking Outcasts and Making Citizens in Soviet Russia, 1926–1936: Ph. D. diss.* Chicago, Univ. of Chicago. 276 p.

Arkhipov, V. A., Morozov, L. F. (1978). *Bor'ba protiv kapitalisticheskikh elementov v promyshlennosti i torgovle, 20-e – nach. 30-kh gg.* [The Struggle against the Capitalist Elements in Industry and Trade, 1920s – Early 1930s]. Moscow, Mysl'. 263 p.

Avrekh, A. Ya. (1968). *Stolypin i III Duma* [Stolypin and the 3rd Duma]. Moscow, Nauka. 520 p.

Balabanov, M., Dan, F. (1907). *Rabochie deputaty v pervoy Gosudarstvennoy Dume* [Worker Deputies during the First State Duma]. St Petersburg, Izd-vo N. Glagoleva. 175 p.

Brodovich, S. M. (1925). *Sovetskoe izbiratel'noe pravo* [The Soviet Electoral Law]. Leningrad, Gosizdat. 131 p.

Chronicle of Parliamentary Elections and Developments (1983). Geneva, Intern. Centre for Parliamentary Documentation, Inter-Parliamentary Union. Vol. XVII.

Craig, F. W. S. (1981). *British electoral facts, 1832–1980*. Ed. 4. Chichester, Parliamentary Research Services. 203 p.

Demin, V. A. (1996). *Gosudarstvennaya Duma Rossii: mekhanizm funktsionirovaniya* [The State Duma of Russia: The Functioning Mechanism]. Moscow, ROSSPEN. 216 p.

Fitzpatrick, S. (1993). Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia. In *J. of Modern History*. No. 4, pp. 120–141.

Fitzpatrick, S. (1999). *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, Oxford Univ. Press. 326 p.

GANO [State Archive of Novosibirsk Region]. F. 1-P. Inv. 1. Doc. 169.

GARF [State Archive of Russian Federation]. F. R-393. Inv. 1A. Doc. 153; Doc. 156; Inv. 29. Doc. 10A; Inv. 47. Doc. 119; Inv. 60. Doc. 117; F. R-1235. Inv. 101. Doc. 151; Inv. 103. Doc. 83; Inv. 104. Doc. 23; Inv. 112. Doc. 5; F. R-3316. Inv. 20. Doc. 918.

Gurvich, G. S. (1929). *Osnovy sovetskoy Konstitutsii* [Foundations of the Soviet Constitution]. Moscow, Gosizdat. 261 p.

Gurvich, S. M., Kokotov, N. A. (Eds.). (1926). *Vybory v Sovety RSFSR v 1925–1926 gg.* [Elections to Soviets in the RSFSR in 1925–1926]. Part 1. (Gorodskie sovery, sel'skie sovery, vols'ezdy, volispolkomy). Statisticheskii sbornik. Moscow, Izd-vo NKVD. 256 p.

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. [Results of Council Elections in the RSFSR in 1929]. (1930). Iss. II. Vybory v gorodskie sovery. Statisticheskii sbornik. Moscow, Vlast' Sovetov. 153 p.

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1929 g. [Results of Council Elections in the RSFSR in 1929]. (1930). Iss. I. Vybory v sel'skie, volostnye, rayonnye organy vlasti. Statisticheskii sbornik. Moscow, Vlast' Sovetov. 401 p.

Itogi vyborov v Sovety RSFSR v 1930–1931 gg. [Results of Council Elections in the RSFSR between 1930 and 1931]. (1931). Statisticheskii sbornik. Moscow, Vserossiyskaya Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya. 198 p.

Izбирatel'naya kampaniya po RSFSR v 1923 g. [The Election Campaign of the RSFSR in 1923]. (1924). K XI Vserossiyskomu s'ezdu sovetov RSFSR. Moscow, Izd-vo NKVD. 43 p.

Kautskiy, K. (2002). *Diktatura proletariata. Ot demokratii k gosudarstvennomu rabstvu. Bol'shevizm v tupike* [The Dictatorship of the Proletariat. From Democracy to State Slavery. Bolshevism at a Deadlock]. Moscow, Antidor. 314 p.

Kim, A. I. (1965). *Sovetskoe izbiratel'noe pravo. Voprosy teorii, izbiratel'nogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya* [Soviet Suffrage. The Theory of Electoral Legislation and the Practice of its Application]. Moscow, Yurid. lit-ra. 212 p.

Kimerling E. (1982). Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918–1936. In *The Russian Rev. Jan.*, pp. 27–41.

Kir'yanov, I. K., Luk'yanov, M. N. (1995). *Parlament samoderzhavnoy Rossii. Gosudarstvennaya Duma i ee deputaty. 1906–1917*. [The Parliament of Autocratic Russia. The State Duma and its Deputies. 1906–1917]. Perm', Izd-vo Permskogo universiteta. 168 p.

Korchagin, D. M. (2003). *Sovetskie izbiratel'nye kampanii 1920-kh gg. (na materialakh Kubano-Chernomor'ya), dis. ... kand. ist. nauk* [The Soviet Electoral Campaign of the 1920s (with Reference to the Materials of the Kuban-Black Sea Region), PhD Thesis]. Moscow. 217 p.

Krasil'nikov, S. A. (Ed.). (2004). *Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920-e – 1930-e gody)* [Marginal People in Society. Marginal People as a Society. Siberia (1920s – 1930s)]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 456 p.

Lenin, V. I. (1969). Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskiy [The Proletarian Revolution and Renegade Kautsky]. In *Polnoe sobranie sochineniy*. 5-e izd. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury. Vol. 37, pp. 235–338.

Lenin, V. I. (1973). Doklad o revolyutsii 1905 g. [Report on the Revolution of 1905]. In *Polnoe sobranie sochineniy*. 5-e izd. Moscow, Izd-vo politicheskoy literatury. 55 Vols., Vol. 30, pp. 306–328.

Lepeshkin, A. I. (1966). *Sovety – vlast' trudyashchikhsya (1917–1936 gg.)* [Soviets Are the Power of the Working People (1917–1936)]. Moscow, Yurid. lit-ra. 575 p.

Makartsev, A. A. (2009). *Izбирatel'noe pravo i izбирatel'nyy protsess v Rossiyskoy Federatsii* [Suffrage and Election Process in the Russian Federation]. Novosibirsk, NGTU. 344 p.

Maklakov, V. V. (Ed.). (2003). *Sravnitel'noe izбирatel'noe pravo: ucheb. posobie* [Comparative Suffrage: Textbook]. Moscow, NORMA. 208 p.

Polozhenie o vyborakh v Gosudarstvennyy Dumu ot 6 avgusta 1905 g. [Provisions on the Elections to the State Duma as of 6 August, 1905]. (1908). In *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. Sobr. III. 45 Vols., Vol. XXV. Otd. I-e. 1905 g. St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, pp. 645–651.

Polozhenie o vyborakh v Uchreditel'noe sobranie ot 20. 06. 1917 g. [Provisions on the Elections to the Constituent Assembly as of 20 June, 1917]. (1994). In Chistyakov, O. I. (Ed.). *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 9. Zakonodatel'stvo epokhi burzhuaizno-demokraticeskoy revolyutsii*. Moscow, Yurid. lit-ra, pp. 129–189.

Programma RSDRP, prinyataya na II s"ezde partii [The Programme of RSDRP Adopted at the Second Party Congress, 12 Vols.]. (1970). In *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TSK (1898–1970)*. 8 izd. T. I. Moscow, Politizdat, 1970, pp. 267–274.

Protasov, L. G. (1997). *Vserossiyskoe Uchreditel'noe sobranie: Istoriya rozhdeniya i gibeli* [The All-Russian Constituent Assembly: A Story of Birth and Death]. Moscow, ROSSPEN. 380 p.

RGASPI [Russian State Archive of Socio-political History]. F. 17. Inv. 164. Doc. 54.

Serokurova, L. A. (2010). Politiko-pravovye aspekty lisheniya izbiratel'nykh prav grazhdan Krymskoy ASSR v 1920-e gg. [Political and Legal Aspects of Deprivation of Electoral Rights of Citizens of the Crimean Autonomous Republic in the 1920s]. In *Vestnik MGU (seriya "Istoriya")*. No. 1, pp. 76–84.

Smirnova, T. M. (2003) *"Byvshie lyudi" Sovetskoy Rossii: strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody* ["Former People" in Soviet Russia: Strategies of Survival and Integration. 1917–1936 Years]. Moscow, Mir istorii. 296 p.

Stuchka, P. (1926). *Uchenie o gosudarstve proletariata i krest'yanstva i ego Konstitutsii* [The Doctrine of the State of the Proletariat and the Peasantry and its Constitution]. Moscow, Leningrad, Gosizdat. 291 p.

Tanin-L'vov, A. A. (Ed.). (2001). *Vybory vo vsem mire. Elektoral'naya svoboda i obshchestvennyy progress* [Elections all over the World. Electoral Freedom and Social Progress]. Entsiklopedicheskiy slovar'. Moscow, ROSSPEN. 1112 p.

Trifonov, I. Ya. (1969). *Klassy i klassovaya bor'ba v nachale nepa (1921–1925 gg.)* [Classes and Class Struggle at the Beginning of the NEP (1921–1925)]. 2 Parts, Part 2. Podgotovka ekonomicheskogo nastupleniya na novuyu burzhuaziyu. Leningrad, Izd-vo LGU. 288 p.

Valuev, D. V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsial'nykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti)* [The Disfranchised in the System of Social Relations (1918–1936) (with Reference to Materials of Smolensk Region and Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Vasilenkov, P. T. (1966). *Vybory sovetskikh predstavitel'nykh organov* [The Election of Soviet Representative Bodies]. Moscow, Izd-vo MGU. 82 p.

Vladimirovskiy, M. (1921). *Organizatsiya Sovetskoy vlasti na mestakh* [The Structure of the Soviet Local Authorities]. Moscow, Gosizdat. 147 p.

Vodovozov, V. V. (2003). Vseobshchee izbiratel'noe pravo i primeneniye ego v Rossii [Universal Suffrage and its Application in Russia]. In *Politicheskie instituty, izbiratel'noe pravo i protsess v trudakh rossiyskikh mysliteley XIX–XX vv.* Moscow, Ves' mir, pp. 380–401.

Vybory v Sovety v Soyuze SSSR. 1934–1935 gg. [Elections to Soviets in the Soviet Union, 1934–1935. 2 Vols.]. (1935). Moscow, Vlast' Sovetov. 135 p.

The article was submitted on 19.03.2017